

Г. Ю. ФИЛИППОВСКИЙ

К вопросу о художественной концепции «Слова о полку Игореве»

Характер героя «Слова» князя Игоря Святославича как *героя вызова*, дерзостно пренебрегшего знаменем черного Солнца, предварен в литературе Руси XI—XII вв. образами князя Олега Вещего в «Повести временных лет»¹ и молодого Андрея Боголюбского.² В летописных сказаниях 1149—1151 гг. речь идет о подвигах неистовой, дерзкой храбрости князя, рвущегося в бой, пренебрегая опасностью.³ Конечно, тема героя вызова встречается еще в библейской притче о блудном сыне,⁴ но важно указать параллели образу Игоря Святославича именно в воинских батальных сценах древнерусской летописи середины XII в., непосредственно примыкающей ко времени событий 1185 г., эпохе создания «Слова о полку Игореве». В самом «Слове» имеется галерея образов героев вызова — князя Олега Святославича (Гориславича), князя Всеслава Полоцкого, бросившего в эпизоде поэмы вызов ночному Солнцу-Хорсу,⁵ князя Ростислава, вместе со своими дружинниками шутки ради дерзко утопившего монаха.

В художественном контексте «Слова» дерзость героя столь же порицается, сколь и восхваляется, а в целом примыкает, в сущности, к оценке исторического князя Игоря Святославича летописной повестью о его походе в Лаврентьевской летописи под 1185 г. — «не воздержавше уности».⁶ Генетически тип героя вызова восходит не только к библейскому, но еще в большей степени к образу героя архаического эпоса и богатырской сказки, который совершает свои подвиги в мифологическом двоemiрии, бросая вызов чудовищам и стихиям, жизни и смерти.⁷ Отсюда эпико-архаические и мифологические реминисценции авторского сознания в «Слове о полку Игореве».

¹ ПЛДР XI—нач XII в М, 1978 С 52—54 См Филипповский Г Ю Столетие дерзаний (Владимирская Русь в литературе XII в) М, 1991 С 16, 66—67, 126, Робинсон А Н О закономерностях развития восточнославянского и европейского эпоса в раннефеодальный период // Славянские литературы VII Международный съезд славистов М, 1973 С 189

² ПСРЛ М, 1962 Т 1 С 323—325, 332—334, 338—339

³ См Воронин Н Н Существовал ли «Летописец Андрея Боголюбского»? // Памятники истории и культуры Ярославль, 1976 Вып 1 С 28—43

⁴ Сюжет героя вызова использован также в «Повести о Горе-Злочастии», где строптивость Молодца (как и строптивость рода человеческого от Адама до Евы) привела его к Горю

⁵ См Сапунов Б В Всеслав Полоцкий в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ М, Л, 1961 Т 17 С 75—84

⁶ ПЛДР XII век М, 1980 С 358 Текст «Слова о полку Игореве» цитируется по данному изданию

⁷ См об этом Филипповский Г Ю Мотив движения в «Слове о полку Игореве» и литературе Руси XII века // Исследования «Слова о полку Игореве» / Отв ред Д С Лихачев Л 1986 С 58—64

Примечательно, что Жак ле Гофф в своей недавней работе рассматривает категорию вызова как ключевую для культуры XII в.: «Идея состоит в том, что среди всех возможных культурных осмыслений того вызова (*défi*), которым является для традиционной системы ценностей раннего средневековья великий подъем, начавшийся около 1100 г., центральным оказалось именно обращение к земному миру и его ценностям». В рамки того же феномена, который обозначен словом «вызов», включается и ускорение культурного развития в XII в. Вспомним, что об этом говорят многие исследователи (отечественные и зарубежные).⁸ Д. С. Лихачев характеризует этот литературный стиль Руси XII в. как «динамический монументализм».¹⁰ Сюда же примыкает и сюжетная тема *quest* — похода, дерзости, вызова, которая нашла отражение в средневековой литературе Руси и Европы (*chansons de geste*) и Грузии, по большей части восходящая к эпическим жанрам.¹¹

На фоне развития героического былинного эпоса на Руси в XII в., распространности идеала героического поведения — «храброства» «Слово» выступило на рубеже XIII в. с известным предостережением о неких теневых сторонах, которые несло в себе увлечение героичностью рыцарского поведения, уходящей корнями в эпическую архаику и пренебрегающей насущными реальностями Руси.¹² Храбрость ради храбрости (славы), азарт, «буеть», молодечество и неумная игра сил — все эти качества эпического героя скорее архаического типа способны были вызвать в новую историческую эпоху феодальной Руси массу негативных последствий.

Что же противопоставляет автор в системе оппозиций «Слова» молодечкой, рыцарской «усобице», подвигам неумной храбрости героя? Мудрость, «старость» как зрелость ума, опыта и силы духовной, скорее, чем «старшинство», обычно усматриваемое в образе Святослава Киевского в поэме.¹³ Все старое мудро, положительно и высокоумно — и времена, и нравы, и люди. И примерными иллюстрациями подобного идеала наполнена поэма — от Бояна до Святослава Киевского. Можно думать, что здесь отразилась та же тенденция поэтического менталитета Руси XII—XIII вв., которая сделала главного былинного богатыря Илью Муромца «старым казак», «старым богатырем» (конец XII в., эпоха «Слова» — время складывания былинных циклов вокруг эпического образа Киева).¹⁴ Финальные, прославляющие эпизоды трех важнейших произведений литературы Руси второй половины XII в. («Слова о полку Игореве», «Сказания о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» и «Повести об убиении Андрея Боголюбского») фиксируют связь книжности с мотивами эпической циклизации и эпического образа Киева.¹⁵ Примечательно, авторская поэма «Слово о полку Игореве» обнаруживает черты сходства поэтики с сугубо книжными «Сказанием» и «Повестью», что безусловно свидетельствует в пользу также книжности, а не фольклорности «Слова».¹⁶

⁸ Гофф Жак, ле С небес на землю (перемена в системе ценностной ориентации на христианском Западе в XII—XIII вв.) // Одиссей 1991 Человек в истории М, 1991 С 29

⁹ См., например Sanford Eva M The twelfth century — renaissance or protorenaissance? // Speculum 1951 Vol 26 P 635—641 статью А. Д. Михайлова в кн. Гальфрид Монмутский История бриттов Жизнь Мерлина М 1984 С 206

¹⁰ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и эстетические представления его времени // РЛ 1976 № 2 С 27, Филипповский Г. Ю. Мотив движения С 58—64

¹¹ Робинсон А. Н. О закономерностях развития С 189—190

¹² Это обстоятельство почувствовал в свое время К. Маркс, подчеркнувший в «Слове» скорее не политический, а пророческий момент

¹³ Робинсон А. Н. О закономерностях развития С 189—190

¹⁴ Филипповский Г. Ю. Столетие дерзаний С 103—104

¹⁵ Там же С 116

¹⁶ Там же С 114—116

С идеалами «старой мудрости» в «Слове» безусловно взаимосвязаны и «старые словеса», в манере которых с самого начала объявляет автор свое желание вести повествование, «старый» менталитет, шкала ценностей, которыми автор постоянно поверяет и своих героев, и их деяния, вообще все эпизоды поэмы.¹⁷ Характерно показывают ключевую авторскую идею и начало поэмы и ее концовка, где очевидно подчеркнут эпитет «старый»: «начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий...», «пѣснь пояше старому Ярославу», «Почнемъ же, братие, повѣсть сию от стараго Владимира», «О Бояне, соловию стараго времени», в концовке: «Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти». Старое учит, автор «Слова» преподает урок молодым князьям. Учит опытом (как ранее Владимир Мономах в своем «Поучении») и памятью отцов и дедов, слава которых противопоставлена военным авантюрам молодых князей, прежде всего Игоря Святославича.

В «Слове» героическое повествование постоянно, на каждом шагу наталкивается на рефлексию, обсуждение, оценку и анализ его, делая произведение своего рода «антибылиной». Жанровые интонации такого рода ощутил в «Слове» современный медиевист А. Д. Михайлов, приведший в юбилейном сборнике «Слова» 1986 г. параллели к нему из пародийного французского средневекового эпоса XII—XIII вв.¹⁸ Автор «Слова» был поэт, и поэт средневековый, никак не политик, каким его сделала идеология XX в. Какой бы общественный резонанс ни имело его произведение (нам трудно сейчас об этом судить за отсутствием данных), сам автор безусловно вкладывал в свою поэму некое пророческое предупреждение о гибельности авантюры индивидуальной княжеской отваги. Автор «Слова» говорит о походе Игоря Святославича в степь как об «усобице», т. е. в его понятии — аванюре, выходе храбрецов более смелых, чем предусмотрительных, более отчаянных и дерзких, чем разумных. Причем и эта «усобица»-авантюра вставлена автором поэмы в систему множественных во времени и пространстве подобного типа авантур, «усобиц» старого времени, походов, приключений личной храбрости русских князей.

Безусловно, следует по мере возможности встать на авторскую точку зрения, постараться взглянуть на текст его глазами, не поправляя и не модернизируя его позицию. Оценки авторские, как уже говорилось, неоднозначны: он далек от только одобрения или только порицания боевых княжеских авантур (ведь речь идет не только о походах в степь, но и князя на князя, когда очень часто они приводили с собой союзных половцев). Следуя светской, княжеской, поэтической теме, автор «Слова» как художник в избранном жанре строит не христианское назидание. Урок неудачного похода вместе с тем рисует картину бедствий Руси в пору княжеских авантур, где содрогается вся толща народной жизни, поэзии и мифологии. Мифологизм «Слова» органичен его драматическому высокому пафосу, его поэтическому космосу, его устремленности к истокам жизни народа Руси, ее народной культуры.

Автор «Слова» не может и не хочет снижать героизм княжеской храбрости и дерзости, несмотря на интонации пророческого предупреждения о возможных бедах от них Руси, не хочет (как во французском пародийном эпическом тексте) снижения и пародии, гротеска. Мифологизм «Слова» выступает как поэтический выбор автора, как альтернатива популярному сре-

¹⁷ Смолицкий В. Г. Вступление в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ М., Л., 1956 Т. 12 С. 17 Те же черты менталитета можно усмотреть, например, в позиции вел. кн. Константина Всеволодовича (начало XIII в.), который хотел «нового» Владимира к «старому» Ростову, а не наоборот.

¹⁸ Михайлов А. Д. Об одной старофранцузской параллели «Слову о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. Д. С. Лихачев Л. 1986 С. 87—90

дневековому варианту «вывороченного мира».¹⁹ В своих работах Д. С. Лихачев хорошо чувствует двоемирие «Слова».²⁰ Космос «Слова», его поэтический мир в русле многочисленных оппозиций и метаморфоз не мог не быть мифологичен, не мог не быть двоемирен.

Там, где антигерои (Олег Гориславич, Всеслав), антиявления (Карна и Жля), там и мир антивремени («иные времена», «свивая <...> оба полы сего времени», «наниче ся годины обратиша»), там и антимир.²¹ Все это существенная черта поэтики «Слова», не учитывать и не понимать которую, — значит не понимать истинную сущность поэмы. «Вывороченное» время «Слова», его антигерои, антиявления часто рядятся в одежды хтоники, подземного мира, мира тьмы как поэтической альтернативы свету, Солнцу. Мир степи, половецких орд — антимир для поэта, «страна незнаемая».

Поэтическая мифология «Слова» не случайна, не навязана, но внутренне органична авторскому замыслу поэмы. Это поэтическая мифология самого автора, только перекликающаяся с мифологической системой древних славян и индоевропейского мира. Однако эта перекличка, параллели и мифологические экскурсы так интригуют всегда исследователей, ибо они уникальны и подлинны, органичны. Безусловно, речь идет не о каком-то «язычестве» «Слова», а о его поэтической мифологии, мифопоэтическом космосе поэмы.²² Двоемирие «Слова» ближе всего к двоемирию архаического эпоса, богатырской сказки, в категориях которых по сути и развернут литературный сюжет о походе Игоря Святославича в Степь.²³

Двойная структура повествования в поэме отражает не только сложность, двойственность авторского отношения к герою, но и сложность авторского мировидения, которое в конце XII в. не могло не быть христианско-средневековым, т. е. дуальным в своей нравственной системе координат (добро — зло). Хотя «Слово» бесспорно несет жанровые черты Урока, но нравственно-христианские его стороны даны как бы в снятом виде. Авторская система координат близка к категориям народной культуры. Вместе с тем автор «Слова», кто бы он ни был в конце XII в., — безусловно христианин, и его художественное создание не могло существовать в принципиальном отрыве от средневеково-христианского мировидения. Здесь ключевой представляется выдвинутая Д. С. Лихачевым концепция диалогичности «Слова».²⁴ Эта важнейшая структурная черта художественной поэтики «Слова» примакает к концепции литературной динамики Руси XII в.²⁵

Авторская оппозиция в «Слове» опирается прежде всего на образ альтернативного поэта — Бояна, которого автор «Слова» берет как бы в «соавторы». Художественная концепция «Слова» не может быть выявлена вне учета образа Бояна и его «замышления».²⁶ Образ Бояна и его «замышление» витают над «Словом». Христианская дуальность мировоззрения — удвоение

¹⁹ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 4—5, 13—15.

²⁰ Лихачев Д. С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1986. С. 9—28.

²¹ См. Филипповский Г. Ю. Столетие дерзаний. С. 22.

²² Слово о полку Игореве / Составление, пер., статьи и коммент. Д. С. Лихачева. М., 1984. С. 167—199.

²³ См. Филипповский Г. Ю. Мотив движения. С. 62. См. также Jakobson R., Szeftel M. The Vseslav Epos // Russian epic studies. Philadelphia, 1949.

²⁴ Лихачев Д. С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» С. 9—28.

²⁵ См. вступ. статью Д. С. Лихачева ПЛДР XII век. М., 1980, см. также Филипповский Г. Ю. Мотив движения. С. 58—64.

²⁶ См. Соколова Л. В. Зачин в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1986. С. 65—74. Шарыпкин Д. М. Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 14—22.

миров — земное и небесное, тьма и свет — подтолкнули автора «Слова» — христианина к появлению альтернативной творческой фигуры (*alter ego*) — «вещего» певца-провидца из прошлого Руси, а также в целом — альтернативной позиции в плане эпического словотворчества (славы и «антиславы» Олега Гориславича, Всеслава, да и самого Игоря).

Альтернативный, как бы «вывороченный» мир «Слова» — это и дань европейской литературной моде конца XII в., широко обратившейся к мотивам народной культуры средневековья.²⁷ Двоемирие поэтического космоса «Слова» особенно подчеркнуто введением образа «черного Солнца» Игорева похода, знаменующего его неудачу. Этот смысловой образ смыкается в «Слове» с образом ночного Солнца-Хорса в легенде о Всеславе-волке-оборотне, пересекающем, перебегающем великому Хорсу-Солнцу путь «до курь Тматороканя». Более того, в поэме отмечен целый слой «темных», хтонических явлений и образов, действующих на фоне неудач, поражения, драмы Игорева похода. Хтонические символы неотделимы от поэтической природы «замышления» — ведовства, оборотничества, волхования (прорицания, предсказания), пересечения границы времен, миров. Двоемирие «Слова», его образов, символов и представлений как бы задано, обусловлено уже изначальным введением альтернативного авторскому образу Бояна — поэта-волхва, оборотня, ведуна с его «замышлением» (такие черты ему приданы автором в пророческом контексте поэмы). Мы имеем дело с глубоко обоснованным авторским приемом, определившим сразу художественную концепцию «Слова», поэтическую альтернативную структуру и природу его поэтического двоемирия, возможности и диапазон поэтического маневра, которыми автор блестяще распорядился.

²⁷ См. серию монографий А. Я. Гуревича, посвященную народной культуре европейского средневековья, по следам работ М. Блока и Ж. ле Гоффа.